

Александр Пученков

От Сибири до Крыма... Обречённость белых?*

Aleksandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

From Siberia to the Crimea... White's denunciations?

DOI: 10.31857/S086956870000148-3

В основу новой монографии доктора исторических наук А.В. Ганина положен богатейший фактический материал, собранный автором почти за 20 лет в 27 архивах России, ближнего зарубежья, Европы и Америки. Исследователь, похоже, давно уже обработал тот критический объём источников, который позволяет прийти к серьёзным и достоверным выводам.

Название книги напоминает о небольшой брошюре известного американского советолога Р. Пайпса «Три “почему” русской революции», в которой говорилось о том, почему пал царизм, восторжествовали большевики и на смену Ленину пришёл Сталин. При этом Пайпс утверждал: «Ни в падении царизма, ни в захвате власти большевиками не было ничего заранее предопределённого. Строго говоря, мне кажется, что захват власти большевиками был своего рода аномалией, однако, поскольку он произошёл и машина тоталитаризма оказалась запущена, подъём к вершинам власти Сталина стал неизбежным последствием этой аномалии»¹.

Ганин, со своей стороны, основное внимание уделяет военно-политическим аспектам

Гражданской войны, поскольку «именно они были главенствующими», и не ограничивает себя однотипной вопросительной формой «почему», представив её как условную, считая возможным и даже необходимым «разнообразить поставленные вопросы» (с. 8). Так, он предлагает собственную интерпретацию действительно сложных проблем: с кем было офицерство, какова роль казачества, имел ли шансы на военную победу «третий путь», из-за чего потерпел поражение Колчак, какую роль сыграли спецслужбы, брали ли красные в заложники семьи военспецов, почему победила Красная армия? Это, бесспорно, важнейшие аспекты истории Гражданской войны, хотя, разумеется, они отнюдь не охватывают всю её палитру. Нельзя, к примеру, не вспомнить о роли интервенции, национальных движений на окраинах, о влиянии «общественности» (политических партий) на формирование идеологии Белого движения, или о том, насколько общеизвестные конфликты Алексеева–Корнилова, Деникина–Краснова, Деникина–Врангеля способствовали поражению контрреволюции на юге России. Впрочем,

---

* *Ганин А.В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2018. 864 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке президентского гранта по государственной поддержке научных исследований молодых российских учёных-докторов наук, проект № МД-5771.2018.6. «Духовный форпост России в эпоху войн и революций: православное духовенство Крыма в 1914–1920 гг.».

Ганин и не пытается «объять необъятное», желая только «подготовить сжатый и понятный материал по наиболее острым вопросам военно-политической истории Гражданской войны» (с. 7).

Характеризуя состояние русского офицерского корпуса перед Гражданской войной, исследователь отмечает наличие в нём двух групп: поступивших на службу до 1914 г. и офицеров военного времени. Между ними существовала колоссальная разница. Если кадровое офицерство являлось замкнутой привилегированной кастой, в целом верной монархии, преданной императору и дистанцировавшейся от политической жизни, то масштабное ускоренное производство в офицеры, происходившее в годы Первой мировой войны, создало совершенно иную среду — фактически это был срез всего русского общества. Неудивительно, что им было свойственно не корпоративное «офицерское мировоззрение, а мировоззрение тех слоёв населения, из которых такие офицеры происходили». Среди них оказалось немало сторонников народнических взглядов, приверженцев левых политических течений (с. 11–12), сначала приветствовавших Февральскую революцию, а затем активно поддерживавших большевиков и охотно вступавших в Красную армию (с. 12).

В условиях Гражданской войны каждому офицеру приходилось делать чрезвычайно трудный, болезненный и рискованный выбор. Идти с красными или с белыми? Попытаться сохранить нейтралитет? Поступить на службу к гетману П. П. Скоропадскому или в одну из национальных армий? При этом любое решение обрекало на проклятия части бывлых сослуживцев и таило в себе немалый риск. Служба у белых сулила в перспективе эмиграцию, многих красных военспецов в конце концов ожидала операция «Весна» или «чистка» 1937–1938 гг. Нельзя не согласиться с Ганиным в том, что раскол офицерства имел «социальные причины, усугублявшиеся политическим и мировоззренческим разделением», причём «немалая часть офицеров предпочла уклониться от вовлечения в братоубийство и заняла нейтральную позицию, а некоторые даже приняли участие в “зелёном” движении, сражаясь против всех» (с. 13).

Автор монографии, многие годы изучающий историю русского офицерского корпуса в переломную эпоху, ставит вопрос, ответ на который знал каждый советский школьник: куда пошли служить бывшие царские офицеры во время Гражданской войны? Как правило, советские, а затем и российские читатели воспринимали и воспринимают события 1918–1920 гг. как борьбу Рабоче-Крестьянской Красной армии во главе с «полководцами-самоучками» — Будённым, Чапаевым, Фрунзе и др. и Белой армии,

созданной профессионалами и до зубов вооружённой Антантой. Подобные представления обывателей ранее вполне соответствовали официальной теории классовой борьбы и той концепции, согласно которой «восставший народ» и его «революционная армия» одержали победу над бывшими капиталистами и помещиками, снаряжёнными на бой против своей страны воинственными империалистами. Напротив, то, что в Красной армии служили десятки тысяч военспецов — бывших царских офицеров, в эту логику плохо укладывалось, и советские историки писали о них нехотя, избегая и положительных, и отрицательных оценок: даже спустя десятилетия они оставались под подозрением как «классово чуждый» элемент, потенциальные шпионы и перебежчики. Между тем через ряды РККА могли пройти до 100 тыс. бывших офицеров, в том числе около 2,5 тыс. генералов и штаб-офицеров. К ней присоединилось не менее 1 579 выпускников Императорской Николаевской военной академии (с. 13–15). Всего же на белые фронты пришлось 46,4% мест службы «академиков», на РККА — 39,7%, на войска национальных государств — 13,8% (с. 16). Немалая часть офицеров успела повоевать в нескольких враждующих армиях, и выяснить их *действительные* политические взгляды практически невозможно.

Ганин удачно очерчивает основные причины поступления офицеров в белые армии — «патриотический порыв, стремление навести порядок в стране и армии, неприятие большевизма и нерусских националистических движений, террористических методов управления, разложения армии, идеологии и пропаганды поражения, пропаганды классовой и сословной розни». Понятным и естественным было желание офицеров спастись от «антиофицерского террора, проводившегося в Советской России». Ведь, как отмечает автор, «в конце 1917 — начале 1918 г. офицеры были, пожалуй, самой бесправной категорией населения рухнувшей империи, их можно было безнаказанно ограбить и убить при одобрении и попустительстве возвращавшейся с фронта разложившейся солдатской массы» (с. 47–48). Возможно, именно это и толкало значительную часть офицерства в ряды белых, в частности, в Добровольческую армию, в которой наиболее чётко выражалась идея возрождения сильного государства — «Великой, Единой и Неделимой России».

Вместе с тем, по словам Ганина, «у перехода на сторону белых было гораздо больше минусов и рисков для офицера, чем в случае занятия выжидательной позиции и пребывания по инерции на месте прежней службы. Шансы на успех всего дела были неочевидны, а перспективы карьерного роста более чем сомнительны.

В такой обстановке среди причин поступления к белым на протяжении 1917–1918 гг. преобладал идейный антибольшевизм» (с. 48–49). На это же обращали внимание популярнейший белый военачальник Я.А. Слашов² и другие добровольцы. «Я не был ни самым шедшим, ни садистом, ни нравственным выродком, желающим крови ради крови, — вспоминал о мотивах своего присоединения к белым Д.Б. Бологовский. — Нет, я был нормальным физически и психически, но я был офицером поруганной русской армии и сыном распятой России. Глубокой, продуманной и прочувствованной ненавистью ненавидел я социализм, демократизм, коммунизм и всё, что оканчивается на “изм”»³. В.В. Саханев писал: «Я ни физически, ни психически не принимал большевизма и ни в каких случаях не мог с ним сотрудничать. Я твёрдо знал, что они несут с собой гибель той духовной культуры, которой я готовился посвятить всю свою жизнь. Я верил, что с ними надо непрестанно бороться, пока они не захватили в свои руки всей России. Бороться же можно было только в армии, ибо подпольная борьба тогда была совершенно невозможна»⁴.

Рассуждения Ганина о политическом «примитивизме» лидеров Белого движения (с. 44–45) представляются спорными и чрезмерно категоричными. Всё же М.В. Алексеев, А.И. Деникин, барон П.Н. Врангель проявили исключительные для традиционно аполитичного русского офицерства способности в политике — выход Белого движения из кубанских степей и создание реальной угрозы существованию советской власти свидетельствовали о стремительном расширении его социальных рамок. Весьма расчётлива была и их ставка на Антанту, сделанная в самом начале борьбы и позволившая получить значительную и разнообразную помощь. Политическая опора на консервативное казачество позволила добровольческому движению превратиться из крупного офицерского отряда в армию с государственными задачами, сумевшую освободить от красных обширную территорию. Как отмечал В.В. Шульгин, лишь когда офицерская «кость» обросла «казачьим мясом... тогда только началась реальная борьба»⁵. Но, конечно же, политическое сознание вождей белых действительно отставало от требований наступавшей новой эры: и Деникин, и Колчак, и Юденич чувствовали себя политиками поневоле, а огромную власть, сосредоточенную в их руках, воспринимали как тяжкий крест. Можно поспорить с заявлением Ганина, будто Деникин «в политике не разбирался», но Антон Иванович и впрямь «не хотел ею заниматься» (с. 44), полагая, что политика — недостойное занятие для русского офицера, и только наступившая «Русская смута» заставляет в неё погружаться. Схожих взглядов придерживались и другие

белые вожди. В меньшей степени это относилось к Алексею, но подлинный «вкус» к политике испытывали, кажется, лишь Врангель и Скоропадский, поражавший современников удивительной изворотливостью⁶.

Большое внимание Ганин уделяет мотивации офицеров, поступавших на службу в Красную армию. Нельзя не согласиться и с тем, что «многие бывшие офицеры служили в Красной армии отнюдь не из-под палки» (с. 34). Военспецы видели в диктатуре большевиков государственную власть, а не опостылевшую безвольную «керенщину». Вместе с тем большинство военспецов оказались в РККА по мобилизации. Как бы то ни было, именно деятельность военспецов позволила Красной армии выйти из той «партизанщины», которая едва не погубила её в 1918 г. Не умаляя значение «революционного экстаза» красных командиров (выражение М.Н. Тухачевского), следует признать, что только масштабное привлечение на высшие посты профессиональных военных окончательно привело к трансформации красноармейских отрядов в Красную армию и передало ей часть лучших традиций русских войск.

Освещая роль казачества, автор указывает, что оно «за редкими исключениями... в целом как сословие оказалось на стороне белых», однако «практически до конца 1918 г., то есть почти до кульминации Гражданской войны, держало себя автономно от белых, не стремясь координировать свои действия с Белым движением, а некоторые казаки атаманы считали себя равными лидерам белых и не собирались им подчиняться» (с. 437). Колебания казачества и его лидеров (того же атамана Всевеликого Войска Донского П.Н. Краснова) свидетельствовали о серьёзных разногласиях: белые не ставили под сомнение приоритет государственных интересов *всей* России, для казачества же важнее были проблемы родного края и защита сословных привилегий. В сущности тут проявлялось столкновение общерусского и регионального патриотизма. Немалую роль играли и амбиции: Деникин, например, не понимал и не принимал тактику чересчур ушлого и гибкого Краснова, который, в свою очередь, был готов пойти в подчинение к кому угодно, но не к Деникину. Этот межличностный конфликт на полгода задержал создание Вооружённых сил на Юге России; Краснов уступил лишь в конце 1918 г. — под жёстким нажимом союзников и при тяжелейшем положении на Донском фронте⁷.

В целом, в своей монографии Ганин приходит к выводу о закономерности поражения белых, проигравших армии нового типа, строившейся, по словам Л.Д. Троцкого, «под огнём»⁸. Ленин, Троцкий и их товарищи, рассматривая войну как *государственное дело*, сумели превратить страну в военный лагерь и создать тыл,

работающий на фронт. Белогвардейские режимы добиться этого не смогли, а их руководители так до конца и не осознали уникальную специфику Гражданской войны. Было бы ошибкой объяснять поражение белых исключительно численным превосходством Красной армии, утверждая, будто их сломило, как писал А.В. Туркул, «советское Число»⁹. «В это наивное объяснение, — обоснованно полагает Ганин, — очень хотелось верить ветеранам Белого движения, чтобы закрыть глаза на более глубокие и более серьёзные причины победы красных и собственных неудач. Достаточно отметить, что красные превосходили своих противников практически во всём, от численности армии и масштабов заготовок для неё до качества системы учёта военных специалистов, количества выпущенных листовок и числа расстрелянных врагов. Фатальные ошибки белых лишь усиливали этот разрыв. Неудивительно, что новая сила в итоге и одержала верх. Большевики были фанатиками своего дела. Для достижения поставленной цели они не останавливались ни перед чем, включая самые жестокие меры. Фактически против белых ими была развёрнута тотальная война (отличительными чертами которой как раз и были системность, масштабность и централизация, указанные нами в качестве базовых принципов военной политики большевиков), тогда как антибольшевистскому лагерю, опиравшемуся на традиционализм и дореволюционные принципы администрирования, было нечего противопоставить красным. В этом отношении противоборствующие стороны были в совершенно не равных условиях. Это была борьба старой и новой системы ценностей, старого и нового миропонимания, многовековых традиций и условностей с молодой беспринципностью, жестокостью и решимостью... возможно, что не вина белых, что они не могли стать другими» (с. 433).

Как ни удивительно, но белые так и не преодолели своеобразного дилетантизма в организации собственной армии. Нельзя игнорировать и то, что у них не оказалось политического лидера, равного Ленину. Не случайно уже в эмиграции некоторые, наиболее откровенные участники Белого движения, такие, как генерал В.А. Замбржицкий, признавались, что «проявлению волевой энергии нам нужно поучиться у вождей большевиков»¹⁰. «Идея Белого движения в защите не нуждается, ибо она сама по себе прекрасна, — писал он генералу А.А. фон Лампе 24 июля 1926 г. — Но ведь дело в конце концов не в идеях, а в способах и методах проведения их в жизнь. Идея большевизма, как идея, сама по себе вовсе не дурна, но варварский способ её осуществления, но её деспотизм и ужасы и жестокости гражданской войны, но ненависть — могут ли они привлечь сердца?... Ведь

мы с Вами вандейцы! Победённым всегда горе, а нам вдвойне, потому что Родина никогда не простит нам поражения. Ведь мы своими собственными руками укрепили большевизм... Так за это ли нас будут чтить потомки? Ведь мы имели все шансы для победы, в наших руках были все средства для завершения борьбы, а что мы сделали? Ведь мы не смели не победить. А кто виноват в проигрыше? Наши вожди, исключая светлой личности Корнилова, ибо только они по бездействию власти привели нас к краху... Поверьте, что революция только потому и победила, что во главе её стояли Троцкий, Ленин и К^о, а не Деникин и Врангель. Переменись они местами, и мы с Вами, я верю, сидели бы в Москве. Отсюда у меня вывод: дело в конце концов не в борьбе, а в её руководителях»¹¹.

Основной текст книги удачно дополняют интереснейшие документальные приложения. Среди них выделяются обширные извлечения из хранящихся в США воспоминаний полковника Е.Э. Месснера «В Добровольческой армии» и уникальный по своей информативной ценности дневник барона А.П. Будберга 1919–1920 гг., являющийся продолжением его записей, опубликованных в 1923–1924 гг. в «Архиве русской революции». Введение в научный оборот этого источника, о существовании которого ещё недавно не было известно даже узкому кругу специалистов, представляется исключительно значимым. Книга А.В. Ганина безусловно станет важной вехой в историографии Гражданской войны.

Примечания

¹ *Пайнс Р.* Три «почему» русской революции. М.; СПб., 1994. С. 11–12.

² *Слацов Я.А.* О Добрармии в действии в 1918 году. Часть I / Публ. А.С. Пученкова // *Новейшая история России.* 2015. № 3. С. 202.

³ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 259, л. 21.

⁴ Там же, д. 611, л. 7.

⁵ *Шульгин В.* В отпуску // *Новое время* (Белград). 1924. 3 июля.

⁶ *Пученков А.С.* Киев в конце 1918 г.: падение режима гетмана П.П. Скоропадского // *Новейшая история России.* 2011. № 2. С. 57–60.

⁷ Подробнее см.: *Пученков А.С.* Взаимоотношения генералитета Добровольческой армии и Всевеликого Войска Донского в период Гражданской войны // *Российская история.* 2013. № 5. С. 27–42.

⁸ *Троцкий Л.Д.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 82.

⁹ *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Л., 1991. С. 271.

¹⁰ ГА РФ, ф. Р-6559, оп. 1, д. 5, л. 134.

¹¹ Там же, ф. Р-5853, оп. 1, д. 26, л. 1.